

УДК 165.3

МНЕНИЕ КАК ФОРМА АРГУМЕНТАЦИИ

© 2009 г. А.В. Нехаев

Омский танковый инженерный институт,
14, военный городок, г. Омск-98, 644098,
OmskTII@mail.ru

Omsk Tank Engineering Institute,
14, Voeniy gorodok, Omsk-98, 644098,
OmskTII@mail.ru

Анализируются и сопоставляются особенности знания и мнения как познавательных структур, организуемых в виде номотетико-дедуктивной формы аргументации – основы научного дискурса, и доксоморфной формы аргументации, опосредующей повествовательные структуры нормального языка.

Ключевые слова: мнение, докса, доксоморфный дискурс, референция, означающая практика, супraseгментарная функция, знаковое мышление.

In article are analyzed and compared features of knowledge and opinion as the cognitive structures organized as the nomotetic-deductive form of the argument – the basis of a scientific discourse, and doxomorphic form of the argument, determined narrative structures of normal language.

Keywords: opinion, doxa, doxomorphic discourse, reference, significance practice, suprasegmentary function, sign thinking.

Современной эпистемологии, решающей проблему обоснования знания, присуще явное или неявное стремление принижать различие между номотетико-дедуктивной формой аргументации, которая выражается, как правило, в терминах индивидуальных предложений относительно мира, и логической формой доксоморфного дискурса. Последняя интегрирует все содержащиеся в ней индивидуальные предложения в единое целое – доксу, вследствие чего подавляющая часть философии языка стала философией научной формы знания. В то же время для такого особого логико-семиотического учения, как доксология, учитывающего, во-первых, тот факт, что мнение как особая познавательная форма является особой системой дескрипции и референции мира, а во-вторых, то, что доксоморфный дискурс имеет подавляющее превосходство в повседневных речевых актах, принципиально важно показать, что конечные осмысленные множества высказываний, или доксы, отличаются от индивидуальных предложений, организованных в дедуктивную систему, рядом логических и семантических свойств. Следовательно, доксоморфная форма аргументации никогда не может быть полностью и адекватно редуцирована к номотетико-дедуктивной форме аргументации или индивидуальным предложениям.

Поскольку с момента возникновения дистинкции *δόξα* и *ἐπιστήμη* философия по преимуществу занималась анализом «знания», которое постепенно стало все более и более отождествляться с номотетико-дедуктивной формой аргументации – теорией, и соответственно возникла масса экстерналистских (Т. Кун, В.С. Степин) и интерналистских (П. Фейерабенд, К.Р. Поппер) концепций, объясняющих структуру и генезис теории, притом что интерес к мнению в философии совсем никак не появлялся, необходимо продемонстрировать особую природу доксоморфной формы аргументации, которая кардинально отлична от номотетико-дедуктивной формы – теории, иными словами, показать принципиальное отличие правил доксоморфного дискурса от дискурса научного.

Одной из характерных особенностей теории как логической формы организации научного дискурса является системность, которая проявляется как в ее семантических, так и в синтаксических аспектах, т.е. по сути на содержательном и формальном уровнях теории.

В целом структуру теории можно представить в виде конъюнкции всех ее утверждений, а также следствий из них, иными словами, между отдельными утверждениями теории можно установить логические отношения, которые связывают между собой эти утверждения как основание и следствие. Таким образом, теория предстает в виде номотетико-дедуктивной системы с выделенными исходными допущениями, играющими роль аксиом, и следствиями из этих допущений, т.е. теоремами. Именно системность этого рода и составляет формальный аспект единства теории. В свою очередь содержательная системность задается общим указанием отдельных составляющих теории. При этом подобного рода общность отношения к выделенному фрагменту реальности проявляет себя, в частности, в распределенности понятийного аппарата теории по отдельным ее утверждениям и в особенности внутри исходных положений. Соответственно ни одно из понятий теории не остается совершенно независимым от других, т.е. все они как бы взаимно определяют друг друга, ограничивая вместе с тем множество возможных интерпретаций теории, что и служит указанием на содержательное единство того или иного множества утверждений, позволяющего установить наличие общего указания – референции – и смысловой связи между понятиями теории, призванного отразить реальное существование ее объекта и наличие в нем связанных между собой свойств и признаков.

Следует отметить, что смысловая связь между понятиями теории определяется тем условием, согласно которому необходимо наличие общего указания у всех терминов теории, или, иначе говоря, для номотетико-дедуктивной формы аргументации характерно наличие общего универсума рассуждения. С логической точки зрения это означает, что все формулы теории можно

предварить некоторым общим описанием тех объектов, о которых эти формулы что-либо утверждают [1, с. 91]. Таким образом, перечисленные условия смысловой связанности понятий и терминов теории – единство предметной области, принадлежность понятий к одной семантической группе и терминологическая связанность аксиом – описывают теоретический концептуальный аппарат как систему элементов с установленными на ней отношениями. Именно системность этого рода является предпосылкой для логической системности утверждений теории, поскольку без смысловой связи между исходными понятиями невозможно установление дедуктивных и индуктивных отношений на множестве предложений. В целом системность концептуального аппарата теории, проявляющаяся в наличии смысловой связи между понятиями и носящая семантический характер, выступает в качестве предпосылки возникновения системных отношений на уровне синтаксических связей между утверждениями теории, т.е. на уровне логических отношений выводимости и следствия [2]. Именно синтаксический аспект системности теории, когда предметом анализа становятся дедуктивные отношения между ее отдельными утверждениями, позволяет представить теорию как структурно оформленное множество формул. Отношения внутри этого множества формул могут быть описаны обычной логикой предикатов с равенством. Соответственно любое множество формул вместе с отношением выводимости образуют теорию, а поскольку логический вывод внутри наличного множества не порождает никаких новых формул, кроме уже ему принадлежащих, то теория оказывается замкнутым относительно выводимости множеством утверждений [3, с. 78–92; 4, с. 10–17; 5]. В свою очередь это позволяет установить внутреннюю непротиворечивость теории, которая представляет собой наиболее важное ограничение на способ построения и логическую структуру теоретического знания.

Следует отметить, что критерий внутренней непротиворечивости является принципиально важным формальным требованием в отношении номотетико-дедуктивной формы аргументации, поскольку в противоречивой теории оказывается возможным выведение любого произвольно сформулированного в ее языке утверждения, и соответственно теория перестает быть средством для отличия истинных положений от ложных, так как логический вывод из принятых аксиом порождает не только истинные в предметной области положения, но и заведомо ложные. При этом теория называется формально непротиворечивой, если она не содержит противоречий, т.е. одновременно некоторого утверждения и его отрицания. Таким образом, средством обнаружения и выделения в дискурсе номотетико-дедуктивной формы аргументации будет являться его проверка с помощью формально-логических средств на обладание всеми необходимыми для этого признаками – единством предметной области, принадлежностью понятий к одной семантической группе, терминологической связанностью аксиом, наличием общего указания, или референции, и внутренней непротиворечивостью. Иными словами, необходимым условием признания дискурса на-

учным является установление его соответствия всем формальным требованиям, предъявляемым к теориям.

Вместе с тем надлежит ясно осознавать, что доксоморфный дискурс не отвечает указанным необходимым формальным требованиям, предъявляемым к номотетико-дедуктивной форме аргументации, поскольку, во-первых, одной из наиболее характерных особенностей таких конечных осмысленных множеств высказываний, как докса, является то, что без детального логико-семантического анализа, оказывается, невозможно провести в них четкое отличие между теми элементами, которые действительно относятся к миру, т.е. содержат референцию, и теми элементами, которые только приписывают ему определенные черты без точной референции к ним. Никакой очевидной границы между ними нет, и можно даже продемонстрировать, что референтные элементы полностью совпадают с тем, что только приписано подразумеваемому объекту референции – «мнимому» предмету. Во-вторых, если в номотетико-дедуктивной форме аргументации, как некотором данном множестве высказываний, единство и системность обеспечивают правила логического вывода, организующие это множество в дедуктивную систему, то соответственно единство и осмысленность нашему доксоморфному дискурсу, оформленному в виде конечных осмысленных множеств высказываний – докс – придает имплицитно содержащийся в них особый логический элемент – точку зрения. Именно описание мира, исходя из вполне определенной «точки зрения», и разрешает говорить о связанности, единстве и осмысленности доксоморфного дискурса, не позволяя распадаться ему на совокупность отдельных и атомизированных единиц – предложений, так как в этом случае наше описание мира оказалось бы простой описью содержания наших ощущений, выражаемых ничем между собой не связанными, т.е. единичными, и, возможно, даже истинностными высказываниями.

В этом смысле нет никаких сомнений в отношении того, что стандартные дедуктивные и индуктивные логические подходы явно не достаточны для моделирования всех или хотя бы основных форм легитимной и дискурсивно выраженной аргументации (на этом, в частности, настаивали Тулмин и Хабермас), поскольку существуют принципы и нормы артикуляции дискурсивно организованных множеств высказываний, которые помимо чисто логических структур содержат риторические и эстетические компоненты и тем самым не являются охваченными категориями дедуктивной обоснованности, убедительности и индуктивной силы [6, с. 99; 7; 8]. Как следствие все это диктует необходимость создания такой целостной логико-семиотической концепции, которая находилась бы вне пределов формальной дедуктивной и индуктивной логики, требуя тем самым последовательной реализации исследовательских интенций на анализ всех типов дискурсивно выраженной означающей деятельности, сочетающийся с необходимостью топографирования пограничных линий между различными типами дискурсивного убеждения.

Особо следует подчеркнуть, что дискурсивные связи между элементами содержания докс не являются логи-

ческими связями следования или дедуктивными соединениями одного с другим. Они метафоричны, т.е. основаны на поэтических техниках замещения, символизации, пересмотра, интерпретации и ре-интерпретации, и именно поэтому любое исследование некоторого вполне конкретного мнения, игнорирующее его доксоморфную структуру, обречено на неудачу в том смысле, что в его рамках невозможно понять, почему данный дискурс «имеет смысл» вопреки, во-первых, фактическим неточностям, которые он может содержать, и, во-вторых, логическим противоречиям, которые могут ослаблять его доказательства. А это означает, что отношения между предметом доксы – «мнимым», образованным для обеспечения единства доксоморфного дискурса, и какими бы то ни было формальными доказательствами, выдвигаемыми для объяснения его природы, состоят в комбинации логико-семантических и тропологически-фигуративных компонентов доксоморфного дискурса. Отсюда вполне понятным становится то, что любая докса имплицитно содержит в себе «точку зрения» – особый логический компонент, который обеспечивает единство и осмысленность доксоморфному дискурсу и который имеет характер и свойства метафорического высказывания, выступая схемой для концептуализации мира. Она указывает, какие именно высказывания необходимо отобрать для описания мира, а это в свою очередь означает, что «облик» или «картину» мира, предлагаемые имплицитно содержащейся в доксе «точкой зрения», не следует относить к самой реальности, так как отдавать предпочтение определенному виду высказываний о мире не значит утверждать что-то о природе реальности. Следовательно, предлагаемые «точками зрения» способы описания мира никогда не включаются в строение самой реальности, а являются трансцендентальными условиями возможности самого описания или своего рода партикулярными перспективами доксогентов в отношении мира.

Таким образом, как один из видов означающей – *signifiance* – деятельности (и в качестве такового оно занимает свое, четко определенное место в теле такой знаковой системы, как нормальный язык) подлежит анализу в рамках особого логико-семиотического учения – доксологии, исследовательские интенции которой теперь предстоит определить.

Следует отметить, что именно введение определенной типологии знаковых универсумов, не сводимых друг к другу и расчлняющих язык на комплексы, образуемые знаковыми практиками, позволяет очертить специфические особенности тех дискурсов, которые детерминированы логической структурой мнения – доксой, поскольку аналитические усилия доксологии в своих основаниях и направлены на установление условий их множественности.

Иными словами, доксология должна строиться как учение о множественных дискурсивных практиках, артикулируемых в повествовательных структурах нормального языка, но для этого ей необходимо прежде всего найти в качестве фундамента некую формальную структуру, т.е. обнаружить в дискурсе такой элемент, который не соотносится с чем-то вне себя. В качестве

такового доксология признает знак, так как знак в себе самом тотален, он не может себя самого, согласно своей «фигуре» – *σχημα*, далее разложить – *auflösen* – в себе самом: ибо то, что он разлагает себя самого в себе самом, означает, что он разлагает себя в знаке и внутри знака, – но ведь тогда он есть знак и не разложил себя самого [9, с. 380].

При этом исключение из состава знака референта и его произвольный характер [10, с. 79–80; 11, с. 250–251] следует воспринимать как базовые принципы, которые разрешают помыслить иные области означающей деятельности, помимо номотетико-дедуктивной формы аргументации, артикулируемой в основном денотативным или даже идиоскопическим дискурсом, высказывая тем самым предостережение против основополагающей роли структур референции и намечая логику дискурса, отличную от логики, в которой господствуют структуры референции и денотат, реизирующие знак и лишаящие возможности определения знака в его отношении к различным типам означающих практик.

Отсюда безусловно то, что в самом общем виде в качестве элементов, подлежащих анализу в рамках доксологии, выступают сами знаки, сочетания которых образуют такие означающие комплексы, как мнение, артикулируемое тем или иным доксоморфным по своей природе дискурсом. Однако для того чтобы исследовать данные комплексы, необходимо иметь адекватное логико-семиотическое учение, и разрабатывать его следует в виде аналитико-лингвистической рефлексии по поводу знака особого рода – «означающего-производящего-самого-себя» в артикулируемом и дискурсивно организованном множестве высказываний. Так, в частности, необходимо понимать, что именно знак способен избавиться от такого ряда ограничений, как форма понятия – *Begriffsform*, или даже грамматика, поскольку знаки могут, располагаясь друг за другом, переплетаться бесконечным числом способов, маркируя тем самым перемещение дискурса по безграничному идеальному пространству – телу языка, предоставляя возможность прочтения дискурса как инфразыка, образованного конечной системой принципов, а следовательно, как языка замкнутого и ограниченного, т.е. дискурса в собственном смысле этого термина.

Для создания подобного логико-семиотического учения прежде всего необходимо проставить четкие границы его предмета – мнения, или доксоморфного дискурса, вычленив его из всей совокупности означающих практик. Обретя таким образом свою специфику, это учение даст возможность осуществить детальный анализ самого объекта доксологии, определяемого как некий семиотический уровень, а именно как такой срез знаковых практик, где означающее конституируется в качестве означаемого, позволив задуматься о конститутивной работе значения как таковой, предшествующей произведенному смыслу и любому репрезентативному дискурсу, поскольку доксоморфный дискурс ограничивается одним только преобразованием знаковой системы, обнаруживая тем самым не что иное, как место – *τοπος* – производства смысла, предшествующего самому смыслу, т.е. первичную систему дескрипции и референции – мнение.

В соответствии с этим логическая форма мнения – докса – есть такая означающая функция, которая не репрезентирует какую-либо «сущность» или означаемое, но которая маркирует множественное и случайное распределение бесконечности означивания в теле нормального языка и пространстве знакового мышления, локализуя и индивидуализируя один из возможных способов употребления знаковых структур, и хотя мнения означивают бесконечно разнообразными способами, тем не менее именно докса посредством конечной системы маркеров манифестирует эту бесконечность означивающей деятельности [12, с. 110]. Как следствие необходимо вскрыть природу этих функциональных операций и разработать такие методы семанализа, которые позволили бы приступить к созданию доксоморфной теории значения, которая имеет характер топотеории акта означивания, поскольку анализирует само место – *тоπος*, – где располагаются знаки, делая возможным исследования философских оснований знакового мышления, обнаруживая его принципы и границы, так как мнение есть то место, где язык рефлексивен о себе самом, проставляя собственные границы, а заодно и границы знакового мышления [13, с. 16], т.е. мнение тем самым становится «мыслью», которая начинает осознавать себя в качестве знака [14, с. 220–221].

При этом место – *тоπος* – мышления, или «означающее-производящее-самого-себя», предшествует любой репрезентации, т.е. тому, что в нем располагается или будет располагаться, как самому телу знака, так и феномену его значения, вследствие этого знаковое мышление интерпретируется как деятельность, предшествующая репрезентируемому и репрезентанту, и должна анализироваться через определение принципов и правил доксоморфного дискурса. Иными словами, рассматривая язык как логическую и нормальную, т.е. правилосообразную систему, знаковое мышление приписывает подобную структуру предмету, рассматриваемому им как внешний референт. Оно его изолирует, позволяя тем самым различить, описать и отослать к нему, придает ему конечный характер, а это делает финитизм одним из свойств знакового мышления, поскольку знак организует описываемое через ряд ограничений и «ампутаций», производимых в теле нормального языка, т.е. непосредственно через то, что является дискурсом [15, с. 362].

Инкорпорируемый доксологией в набор своих аналитических средств семанализ сознательно отказывается от трактовки мнения как языкового комплекса, содержащего структурированное и денотированное определенным образом значение, которое манифестируется в теле языка и уподобляется поверхностной структуре знака, поскольку сам акт означивания представляет собой творческий языковой процесс, в рамках которого следует различать два компонента: артикуляцию некоторого вполне определенного конечного множества знаков и супрасегментарную функцию – «точку зрения», – которая собирает данное множество в целое, придавая ему тем самым осмысленность и наделяя значением, и является своего рода субъектом, занимающим определенную позицию ради презентации акта самого означивания, маркирующим один из возможных способов оз-

начивания в нормальном языке, но в то же время не располагающегося ни в одном из знаков множества в отдельности, а распределенного по всему означающему комплексу – доксе. Соответственно супрасегментарная функция не относится к знакам, рассматриваемая в своей семантической функции, она не предстает в виде некой целостности, разлагаемой на лексические, семантические или грамматические единицы, поскольку она есть процесс, некое действие, посредством которого происходит формирование смысла, а следовательно, она не сводится к аккумуляции смыслов артикулированных знаков, тем самым лингвистическому понятию супрасегментарности по сути придается логическое значение [16, с. 167–183].

Как следствие доксоморфный дискурс, полностью освобождаясь от «референциального комплекса», представляет собой нечто большее, нежели то или иное множество высказываний, потому как он располагает супрасегментарной функцией, связывающей эти высказывания в целое и осуществляющей операцию, согласно которой «означающее-производящее-самого-себя», артикулируясь в некотором вполне определенном конечном множестве знаков – доксе, образует означающий комплекс – мнение, посредством которого знаковое мышление получает к себе доступ и исследует как собственные границы [17, с. 54], так и границы любой выразимой в языке предметности.

Таким образом, мнение как особая познавательная форма является для нас своего рода локальной «картиной мира», и именно имплицитно содержащаяся в нем «точка зрения» устанавливает то, что можно назвать вслед за Витгенштейном «границами моего мира» [18, 19], поскольку позволяет осуществить отбор именно тех предложений, в которых мой мир будет описан, обеспечивая в то же время единство и осмысленность отобранного мною множества предложений. Отсюда когнитивная функция мнения заключается в том, что оно как особая познавательная форма призвано устанавливать '*различие в вещах по природе*', в то время как знание целиком сконцентрировано на установлении '*различия в степени*' и как следствие последнее часто характеризуется долей вероятности своего соответствия вещи, тогда как мнение, определяя указанное выше '*различие в вещах по природе*', принципиально предлагает индивидуальный и уникальный взгляд на вещь [20]. По сути «точка зрения» – это, говоря языком Дэвидсона, «концептуальная схема» [21], которая определяет, как мы видим и осмысливаем мир [22, с. 291–292], и соответственно не некоторая вполне определенная предзаданная структура реальности должна быть представлена в доксоморфном дискурсе, но правильное объяснение логики доксоморфного употребления языка и внимательный анализ логической формы, которую принимает наш доксоморфный дискурс, должны указать на то, какова структура реальности, претендующей на то, чтобы быть описанной. Отсюда, согласно базовым принципам доксологии, следует, что основной вопрос о природе знаковых изображений состоит не в том, что обозначает знак, но для того, чтобы решить, может ли что-то соответствовать знаку в действительности, нужно пре-

жде выяснить, как он обозначает, или, иными словами, язык сам должен установить, что превосходит его возможности, поскольку «...то, что не может выражаться в знаке, выявляется при его применении... то, что скрывают знаки, показывает их применение» [18, с. 13]. Именно поэтому во многих из аналитических лингвофилософских доктрин, в частности, теории «языковых игр» доверие к логике языка как такового сменяется доверием к логике его многообразного употребления, так как и впрямь «...из того, что люди по-разному употребляют язык, не следует еще, что они друг другу противоречат» [23, с. 102]. Все это взятое вместе делает вполне очевидной необходимость доксологии, или учения о доксе – логической форме такой особой познавательной формы, как мнение, построенной на интересе к знаковому аспекту доксоморфного дискурса и позволяющей учитывать, а также строго различать обе его модальности – *de dicto* и *de re*.

Литература

1. Карпович В.Н. Системность теоретического знания: Логический аспект. Новосибирск, 1984.
2. Рамсей Ф.П. Теории // Философские работы. Томск, 2003. С. 162–184.
3. Логика и язык научной теории / В.В. Целищев [и др.]. Новосибирск, 1982.
4. Генцен Г. Исследования логических выводов // Математическая теория логического вывода. М., 1967. С. 9–74.
5. Basin D., Matthews S., Vigano L. Natural Deduction for Non-classical Logics // *Studia Logica*. 1998. № 1, vol. 60. P. 119–160.
6. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2006.
7. Тулмин Ст. Человеческое понимание. М., 1984.
8. Toulmin St. The Uses of Argument. Cambridge, 1958.
9. Фихте И.Г. Наукоучение 1805 г. // Система учения о нравах согласно принципам наукоучения; Наукоучение 1805 г.; Наукоучение 1813 г.; Наукоучение 1814 г. СПб., 2006. С. 349–480.
10. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М., 2006.
11. Барт Р. Система моды // Система моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2003. С. 29–356.
12. Гумбольдт В. О различении строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // Избранные труды по языковедению. М., 2000. С. 37–298.
13. Витгенштейн Л. Голубая книга. М., 1999.
14. Кристева Ю. Σημειωτική. Исследования по семанализу // Избранные труды. М., 2004. С. 31–394.
15. Барт Р. Критика и истина // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 319–374.
16. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 2002.
17. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М., 2007.
18. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Философские работы. М., 1994. Ч. 1.
19. Сокулёр З.А. Проблема обоснования знания: Гносеологические концепции Л. Витгенштейна и К. Поппера. М., 1988.
20. Бергсон А. Непосредственные данные сознания // Творческая эволюция. Материя и память. Минск, 1999. С. 670–924.
21. Дэвидсон Д. Об идее концептуальной схемы // Аналитическая философия: Избранные тексты. М., 1993. С. 144–159.
22. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М., 2005.
23. Чизолм Р. Философы и обыденный язык // Аналитическая философия: Избранные тексты. М., 1993. С. 100–105.

Поступила в редакцию

23 декабря 2008 г.